

- Хатаке Какаши, - начал вражеский шиноби, начавший атаку из-под земли, его лицо с трудом скрывало явный гнев на джонина. - Я ожидал немного большего, чем простое дзюцу вроде Каварими от человека, который скопировал более тысячи дзюцу.

- Какой смысл тратить чакру, если все, что мне нужно, чтобы победить таких, как ты, это основы? - ответил Какаши, выглядя гораздо более невозмутимым, чем на самом деле, пытаясь понять, сможет ли он раззадорить противника.

- Мне надоело сидеть здесь и смотреть на тебя, Хатаке! Я вырву этот ублюдочный глаз и вобью его в твою чертову глотку! - Ниндзя, использовавший Шуншин, чтобы переместиться на поляну, сделал шаг вперед, готовый броситься на нин Конохи.

- Хитоши! Еще шаг - и ты труп, - шипел шиноби, предупреждая своего товарища, не сводя глаз с Какаши. Тот, кого называли Хитоши, опасно сузил глаза и заскрипел зубами от злости, но все равно остался на месте. - Слушай, как только дзюцу будет готово, мы сможем покончить с Хатаке навсегда. Но это может произойти только тогда, когда дзюцу будет готово, и даже тогда мы должны работать вместе, иначе все закончится так же, как и с остальными. Мы слишком долго ждали этого, чтобы сейчас все испортить!

Слова мужчины, казалось, немного успокоили Хитоши. Однако эта передышка позволила Какаши рассмотреть пару перед ним поближе и попытаться определить, кто перед ним враг. Внезапно имя вызвало в памяти Какаши воспоминание, которое ветеран Третьей войны шиноби предпочел бы забыть.

- Исао Хитоши и Масанори Эйдзи. Бывшие генины Ивагакуре... - Какаши сделал паузу, не зная, как поступить дальше, ведь эту тему он намеревался никогда не затрагивать, если это вообще возможно. К сожалению, он сомневался, что в данный момент у него есть право голоса, и был уверен, что хочет быть первым, кто ответит на вопрос, который неизбежно возникнет у команды генинов, которой он командовал. - ...И выжившие после "резни Рейдена".

Джонин посмотрел прямо в глаза своим врагам и увидел ядовитые взгляды двух людей, жаждущих мести, чего бы им это ни стоило. Еще две жизни, искаженные и разрушенные войной, еще две жизни, искаженные и разрушенные его собственными руками.

- Я никогда раньше не слышал о "Резне Рейдена", как, черт возьми, это связано с вами, Какаши-сэнсэй? - Как и следовало ожидать, первым заговорил Наруто, Хана все еще пыталась подготовить Баки на случай, если Какаши не сможет уложить двух шиноби Ива в одиночку, а Шикамару, скорее всего, услышал достаточно, чтобы понять связь между событием, о котором говорил Какаши, и самим джоном.

- Вы бы не узнали об этом, потому что ваш ублюдок Хокаге Йондайме занес его в черный список еще до окончания Третьей войны шиноби и сделал секретом деревни ранга "А". Готов поспорить, что в Конохе осталось всего два или три человека, которые вообще знают, что это событие произошло, - Хитоши ответил на вопрос, и его слова прозвучали с едкой ноткой, заставившей Какаши мысленно поморщиться.

- Это, пожалуй, одна из худших вещей, на мой взгляд. - На этот раз заговорил Эйджи, в его словах не было той безудержной ярости, что в словах его напарника; вместо этого в них прозвучал горький укор, напомнивший Какаши самого себя после окончания войны. - Тот факт, что в день, когда 27 генинов Ивагакуре, ни один из которых не был старше 13 лет, были убиты джонином Конохи, когда они не представляли никакой законной угрозы для Конохи, так близко к концу войны; день, который до сих пор ежегодно оплакивается в Ива, в Конохе считается уголовным преступлением, о котором даже упоминать нельзя, и все ради того, чтобы ваша деревня могла сохранить свою репутацию.

Трое генинов, особенно Наруто, выглядели потрясенными заявлениями бывшего шиноби Ива. Конечно, никто из них не сталкивался с войной шиноби, не чувствовал ярости, вызванной потерей товарищей, друзей и даже возлюбленных. Конечно, никто из них не мог понять этого до конца. Хотя, если верить Богу, никому из них никогда не придется этого делать, хотя, учитывая, что существование шиноби вращалось вокруг искусства убивать, Какаши несколько сомневался в такой возможности.

- А ниндзя из Конохи, совершившая резню? Не кто иной, как знаменитый Хатаке Какаши. - Эйдзи произнес имя Какаши с той же злобой, с какой Хитоши говорил несколько минут назад, не в силах сдержать ярость, прокравшуюся в его голос, и на мгновение потеряв эмоциональный контроль, который большинство ниндзя стремились сохранить.

Какаши снова поморщился от тона голоса шиноби Ива. Он подумал, что мог бы попытаться помешать этому человеку рассказать о том, что виновником резни был он сам, и избежать того, что генины под его командованием увидели его; однако, скорее всего, они узнали об этом неизбежно теперь, когда детали миссии были открыты. В любом случае, он был уверен, что их мнение о нем будет окрашено тем, как о нем отзывались вражеские ниндзя.

- К-Какаши-сэнсэй, это ведь неправда?

И снова Наруто первым дал о себе знать, его голос дрожал, выдавая его шок от услышанного. Из всех генинов, которых он видел в этом году, Какаши был уверен, что Наруто был самым наивным. Поэтому неудивительно, что сын его сэнсэя был так потрясен. Какаши мог только объяснять, как мог, и надеяться, что Наруто в конце концов поймет.

- Боюсь, что так, - Какаши ответил уверенно, тщательно скрывая эмоции в голосе. - Это было во время войны, которая уже шла так долго, и так много людей погибло. Я... - Какаши остановился на середине фразы.

Прошло несколько жутко молчаливых секунд, пока Какаши не уловил то, что отвлекло его внимание. С вершины каньона доносился глубокий грохот, который был настолько тихим, что его почти не было слышно, но теперь его громкость постепенно нарастала, как будто он приближался все ближе и ближе к краю каньона. Прошло еще несколько секунд, и джонин заметил, что все три генина тоже заметили этот звук. Какаши чувствовал вибрацию земли, которая с каждой секундой становилась все сильнее.

- Какаши-сэнсэй, посмотрите на вершину каньона. Что это, черт возьми, такое? - Шикамару первым заметил источник шума, так как Какаши не осмеливался отвести взгляд от пары шиноби перед ним. Не переставая следить за движением врагов, джонин повернул голову, чтобы разглядеть причину нарастающих вибраций и звуков, которые теперь были достаточно громкими, чтобы сотрясать весь каньон, заставляя более рыхлые камни на стенах каньона расшатываться и падать.

И когда взгляд Какаши упал на объект вопроса Шикамару, он почувствовал, как его рука инстинктивно потянулась к хитай-атэ, прикрывавшему его левый глаз, который был одним из его главных достоинств как шиноби, и подняла его, открыв зрачок глубокого красного цвета с тремя томоя в радужной оболочке.

Грохот прекратился. На фоне горизонта, освещенного лунным светом, безликими силуэтами стояли каменные фигуры, мимо которых группа проходила по каньону; их мечи теперь были угрожающе направлены на группу генинов и джонинов, вокруг которых они стояли.

Какаши отметил, что статуи были более худыми, чем раньше: вероятно, их оживили с помощью какого-то дзюцу, которое использовала пара шиноби Ива, чтобы они могли двигаться быстрее. Конечно, по их размерам невозможно было точно сказать, насколько они подвижны, но глупо было исключать мысль, что они могут быть такими же подвижными, как человек, и не так уж редко встречались предметы, оживленные подобным образом с помощью какого-нибудь дзюцу. Однако, как шиноби, подобные этим, смогли прийти к таким техникам, учитывая, что дзюцу, подобные этим, как правило, были невероятно сложными, а также требовали больших затрат чакры. Судя по запасу чакры, стоящие перед ним мужчины были джонинами, но для того, чтобы использовать такую технику в таком масштабе, Какаши не был уверен, что даже он сам достиг такого уровня.

За долю секунды, пока Какаши размышлял над этим, он пришел к выводу, что они работают на гораздо более сильного противника. Однако с возможными последствиями такого вывода придется подождать, так как у Какаши были более насущные проблемы. Статуи снова задвигались, одна за другой, приседая и сгибая колени. В тот же момент, когда он понял, что они собираются сделать, он двинулся в путь, решив вернуться поближе к своей команде и занять более выгодную оборонительную позицию.

К сожалению, этому не суждено было случиться. Отвлечшись на появление каменных фигур, он не заметил, как Эйджи соскользнул обратно на каменистую землю. Какаши остановился, успев пройти всего несколько метров назад, когда пропавшая нин появилась перед ним из-под земли.

- Идем, Хатаке. Ты сражаешься с нами. Меня не обойти, я могу двигаться по земле быстрее, чем даже твой мерзкий глаз.

Какаши посмотрел на человека, стоящего между ним и товарищами, которых он должен был защищать.

- Тебя не проймешь, да? - спросил Какаши бесстрастным тоном, который он оттачивал годами. - В таком случае, похоже, мне придется пройти через тебя, - ответил Какаши, не сводя взгляда с куная.

- И в другой день ты вполне можешь достичь этой цели, Хатаке, - начал мужчина, и ухмылка на его лице стала еще шире, когда Какаши ответил. - Но сегодня вопрос не в том, сможешь ли ты пройти мимо меня. А в том, сможешь ли ты пройти меня до того, как те генины, что стоят позади меня, превратятся в пыль?

И, как только Эйджи закончил, первая статуя, спрыгнув с самой вершины каньона, ударилась о землю позади него, расколов землю под собой. Статуя повернулась к группе генинов, даже когда остальные последовали за ней, сотрясая весь каньон, когда они ударились о землю и вызвав облако пыли, почти полностью скрывшее их значительное присутствие, и снова подняла свой каменный меч в сторону потрясенных генинов.

Наруто первым из генинов пришел в себя и инстинктивно потянулся за своим оружием, маневрируя так, чтобы оказаться между статуями, Ханой и Баки, и ожидая, пока рассеется пыль.

Он никак не ожидал, что его первая миссия обернется таким образом, тем более что он уже достаточно много читал о том, как ранжируются миссии, чтобы иметь представление о том, чего ожидать, когда он начнет проходить миссии за пределами деревни. Но теперь он обнаружил себя, совершенно неопытного генина, посреди того, что было определено рангом А. Он понимал, что, учитывая то, с чем ему и Шикамару предстояло столкнуться, по крайней мере, пока Какаши-сэнсэй не сможет до них добраться, риск получить серьезную травму или что-то еще хуже, был невероятно высок.

И все же он не мог найти в себе ни следа страха. Все тревоги были частично заменены сочетанием бурлящего адреналина и воли к выживанию. Но самое главное, он осознал, что, учитывая способности его товарищей по команде, шансы на то, что они выживут, по крайней мере, до тех пор, пока джонин не пройдет мимо пропавшего нина, полностью зависели от него.

Он не мог потерпеть неудачу. И это его не пугало. Он не позволил бы погибнуть своим товарищам по команде. Он не допустит, чтобы люди, которых он теперь считал друзьями, пострадали, даже если это будет стоить ему жизни. Это было обещание.

И как бы он ни повзрослел с тех пор, как с крыш деревни провозгласил свое обещание стать Хокаге, Узумаки Наруто - никогда, никогда не нарушал обещаний.